

Часть I
ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Глава 1

ЯНВАРЬ. ДОМ

Десять минут назад идея перелезть через забор казалась дерзкой и невыполнимой. Но садовую калитку с зелеными прутьями заклинило намертво, и, окончательно отчаявшись открыть ее, Вера Никитична на всякий случай прикинула на глаз высоту забора и оглянулась по сторонам — нет ли кого на улице. Но в такую погоду все благоразумные люди сидели в уютных гостиных, попивая травяные чаи или настойки из брусники и вишневого листа. Зимой это происходит часто: внутреннее тепло затухает, и остаются семейные споры, зависимость от погоды и виртуальные миры.

Решительно вздохнув — в последний раз подобное мероприятие она проделывала лет двадцать назад, — Вера Никитична перекинула через плечо тонкий ремешок сумки и вставила носок правого ботинка в крупный ромбик сетчатого забора. Попружинив ногой, проверила его устойчивость. Рабица отозвалась тягучим скрипом, но давление выдержала.

— Эх, была не была! — И невысокая, чуточку полноватая фигура в черном пальто, с разноцветным шарфом на голове и болтающейся сбоку сумкой, оттолкнувшись ногой от земли, начала свой путь к вершине забора.

Свой подвиг, свой полет, свою молодость!

Левая нога никак не хотела вставать на нужное место и скользила вниз. Изловчившись и задержав дыхание, Вера Никитична ухватилась за верхнюю планку забора. Дело пошло легче. Ноги находили устойчивые положения, и постепенно она продвигалась вперед, то есть вверх. Конец шарфа выбился из-под пальто и теперь развевался где-то сзади наподобие флага.

Еще минуту спустя Вера Никитична перекинула одну ногу через забор и мысленно начала праздновать победу. Запрокинув голову, она посмотрела в темное небо.

Но, как мы знаем, удовольствие никогда не длится столько, чтобы успеть вдоволь насладиться им.

Город, летом превращающийся в черноморский курортный муравейник, а зимой замиравший в безлюдье, плащаницей укрывали сумерки. Ветер неистово швырял из стороны в сторону клоуна тумана. Южный ветер не остановить — он, как русский бунт, пронзительный и беспощадный. Брошенные целлофановые пакеты парили раздутыми медузами, всплывали в мутную круговерть февральского неба и, обессилев после очередного порыва, катились по песчаной дороге.

И вдруг нечто темное — кажется, еще одна целлофановая медуза — с размаху ударило Веру Никитичну в лицо. Не удержавшись на шатком заборе, она полетела вниз, на промерзшую черную землю.

Конечно, джентльмен, споткнувшись о кошку, всегда назовет ее кошкой. Но Вера Никитична была не джентльменом и даже не леди из прошлых веков. Обычный психолог в самом обычном городе. А еще она курила трубку. Совсем не как леди — поэтому и слова предпочитала не подбирать.

— Черт!

Чтобы замедлить падение, в качестве тормоза ей пришлось использовать собственный локоть. Сустав тут же пронзила жесткая колючка боли.

Ох! Вот тебе и восхождение на вершину!

Немного привыкнув к боли и осторожно держа на весу согнутую правую руку, Вера Никитична поднялась с земли и побрела в сторону деревянной беседки. Молочно-белые боковины доходили ей до пояса. В межсезонье открытое пространство над ними затягивали парусиной, и теперь, на ветру, она надувалась пузырем, потом с резким звуком схлопывалась и опять надувалась. Похоже, беседка воображала себя богом ветра Зефиром — с круглыми щеками и выпученными глазами.

Вера присела на скамейку и отдышалась. Боль в руке понемногу утихала, хотя локоть по-прежнему не разгибался. Ветер буйствовал, завывая в переулках и болтая то внутрь, то наружу парусину. Вера снова поднялась, подошла к противоположному краю беседки и, встав на цыпочки, здоровой рукой начала шарить за верхней балкой под самой крышей. Сначала ладонь беспомощно хлопала по пустой древесине, но вскоре пальцы нащупали мягкий бархат ткани, и она вытащила наружу темно-зеленый мешочек на шнуровке. Проверенный годами тайник, еще — хвала небесам! — не рассекреченный детьми.

Какое-то время тесемки не поддавались — развязывать их одной рукой было неудобно, а вторую по-прежнему было легче держать в согнутом положении, — но ловкие пальцы все-таки сделали свое дело, и из мешочка показалась трубка для курения. Классический «бильярд» с прямым мундштуком и белесым оттенком от долгого использования на кончике.

Что-то звякнуло об пол. Вера посмотрела вниз: в деревянный настил, пропитанный морилкой, воткнулся раскладной тройник*, выпавший из мешочка. Она наклонилась, чтобы поднять его, и в этот момент с колен соскользнул кيسет. Упав, он раскрылся, и часть табака рассыпалась. Ветер резво подхватил добычу и унес ее в темноту неба.

Вера Никитична вздохнула. Сесть и ничего не делать.

Ритуал общения с трубкой — это время для себя. Время тишины, бездумья, ощущения гладкости трубки, горьковатого вкуса табака с вишней. «Момент между» — так она сама называла эти мгновения, когда не было ни до, ни после, только сейчас. Зазор между стимулом и реакцией. Возможность спокойно посидеть и подумать. Именно то, что ей сейчас так необходимо.

Но вместо этого — калитка, ветер, травмированная рука. Еще и табак рассыпался.

* *Тройник (тампер)* — принадлежность курительной трубки, предназначенная для уплотнения табака и чистки трубки.

Можно было выругаться, выпустить пар, обвинить в своих неудачах погоду, трудную консультацию, новую клиентку, с которой нужно как-то устанавливать контакт, мужа, не починившего калитку, саму себя, полезшую на забор вместо того, чтобы позвонить домашним и попросить помочь. А можно было взять себя в руки и обратно стать взрослой разумной женщиной, которая не падает с заборов и знает, что любая ситуация разрешима.

Но руки у Веры уже были заняты: в одной она держала трубку, в другой тампер. Да и делать ничего не хотелось — ни ругаться, ни подключать разум. Поэтому, собственно, она и полезла через забор — чтобы еще немного побыть незамеченной.

Она выбрала не выбирать. Замерла, вытянув ноги и прикрыв глаза.

Но ветер не утихал, и теперь играл не только парусиной, но и полами ее пальто, забрасывая их то в одну, то в другую сторону. Стало зябко. Все-таки надо поднять кисет и набить трубку тем, что еще не успело улететь.

Первую сигарету она попробовала в детстве — старший брат принес. Спичек в доме не было, но в семь лет не бывает неразрешимых ситуаций, и процесс прикуривания превратился в физический эксперимент. В кладовке жил электрический камин — прямоугольный, алого цвета, размером с детскую энциклопедию советской эпохи. Он стыдливо прикрывал облупившийся бок, припадая на левую ножку. Зимой, во время царствования норд-оста и сквозняков, его извлекали из кладовки и ставили в комнате, а когда стужа отпускала, снова отправляли в кладовку.

В то лето было душно. Воздух сгустился до состояния овсяного киселя, такого же мутного и склизкого. Но детский энтузиазм смог преодолеть и это: камин извлечен из недр кладовки, бумага с табаком — у раскаленной спирали. Дым и пыльные пальцы брата, протягивающего ей сигарету.

В тот, самый первый раз она даже не затянулась. Едкого, залезавшего в ноздри запаха хватило, чтобы испытать отвращение к этому начинанию.

Продолжение последовало только через пятнадцать лет, на четвертом курсе университета. Вера хорошо помнила ту ночь: все уже легли спать, а на столе одиноко лежала пачка сигарет соседки по комнате. Декабрь, звездное небо, норд-ост и приступ внезапной острой тоски. Взять и выкурить чужую последнюю сигарету в тот момент показалось чем-то совершенно естественным. Она вышла на балкон одиннадцатого этажа, неуклюже затянулась и, глядя на темный город, заметила, что ноги в легких домашних тапочках почему-то не мерзнут.

С тех пор она начала курить. Непостоянно и нечасто, но когда внутри не хватало опоры, укорененности в действительности, ей вспоминалось ощущение тепла посреди зимы тогда, на балконе, и она доставала сигарету. На трубку перешла, когда младшей дочери исполнилось пять, — наверное, тоже от тоски и пронзившего внезапно понимания, что дети вырастают и внутри остается пустота. А трубка как раз пустоты и не терпит: ее надо набивать, убирая воздушные зазоры и осторожно утрамбовывая в чаше мелкую табачную крошку.

Так в этом процессе появилась еще и философская часть. Практически медитация.

...Рука, кажется, начала понемногу разгибаться. Вера чиркнула спичкой о коробок, прикрыв ее от ветра ладонью. Оранжевое пламя дрожало и изгибалось, хищно съедая тонкую древесину. Внутри прожорливого огонька сидела тишина. Она смотрела в самую сердцевину огня, не замечая, что он медленно подползает к ее пальцам.

Мысли по-прежнему вертелись вокруг сегодняшней сессии с клиенткой. Почему первый раз всегда такой тяжелый?

Глава 2

ЯНВАРЬ. КОНСУЛЬТАЦИЯ

Два часа назад ветер так же яростно, с размаху, наотмашь бил в окно.

Надежда Николаевна сидела напротив, заполняя кабинет тоской и болью. Сорок третья минута первой консультации. С одной стороны, все как обычно: муж, дети, проблемы, страхи. С другой, из пятерых детей четверо — приемные. Судя по всему, из-за последней, совсем недавно появившейся в семье — Кати — надежда и пришла сюда.

Первая консультация — это всегда испытание. Это этап вхождения вглубь, куда давно (или никогда) никто не заглядывал. Вера проходила это с каждым новым клиентом: человек много говорит, но не может назвать словом то, что с ним происходит. Воздух в кабинете на таких консультациях вязкий и липкий, и с каждой минутой словно сгущается еще больше. Не убежать из этого контакта, а выдержать его, отгородившись от водопада боли клиента, — вот задача первой встречи для терапевта. И черт его знает, почему для Веры это каждый раз так сложно.

Надежда медленно-медленно вела рукой по волосам, обнажая у бледного широкого лба белесые корни. На макушке рука остановилась, приминая пышность отросшей стрижки.

— Я ничего не хочу. Я устала. Сделайте с ней что-нибудь.

Вера Никитична молчала, изредка делая пометки в блокноте. Надежда говорила рвано, с паузами, перескакивая с одного на другое, и во всем этом была какая-то беспросветность, пыльной пеленой тянущаяся за нею. Вера почти физически чувствовала, как эта пелена все больше окутывает и ее саму, не давая ни думать, ни дышать. Единственное, что она могла делать, чтобы

сопротивляться, — выдерживать тяжелый взгляд Надежды, уходящий во тьму. Такой бывает у детей, пришедших к тебе со своим несчастьем и полностью доверившихся. В них нет требований о помощи, зато есть усталость и обделенность. Состояние мягкой игрушки, которую выстирали и за прищепки повесили сушиться на веревку. Обвислость. Безжизненность.

Ведь даже для того, чтобы просить о помощи, нужна хотя бы какая-то энергия.

Здесь ее не было. Не было вообще ничего, кроме этого взгляда потерянного ребенка и запредельной, оголенной чувствительности. Взмах ресниц, промелькнувшая тень мысли — и те могут оборвать призрачную паутинку близости.

Вере Никитичне вдруг вспомнилась картинка, случайно попавшаяся в ленте социальной сети: Вселенная в капле воды. Капля своей собственной тяжестью и тяжестью отраженного мира давит на невесомую паутинку. Нить медленно растягивается, капля балансирует. Кажется — еще мгновение, и все это оборвется, обрушится, разобьется.

Сейчас, сейчас это произойдет...

... Но нет, нить еще целая.

Может, через секунду?..

... И опять нет. Паутинка каким-то чудом держит собой отраженную Вселенную.

А она, Вера, сможет выдержать чужую Вселенную, полную горя, тоски, отчаяния?..

— Я устала... — Рука Надежды, скользнув по щеке, упала на колено. — Это больше невозможно терпеть. Я целыми днями стираю и убираю. Она словно ничего не слышит. Я не могу с ней справиться. Дома находиться нет сил, но и на улицу боюсь выходить. Там люди — любой может быть носителем этого треклятого вируса. И мы опять заболеем. Я все забываю. Иду давать лекарство детям и думаю: то ли это лекарство? Снова начинаю читать этикетку... И так несколько раз в день.

Она прижала пальцы ко лбу, закрыв ладонью лицо. Потом резко убрала руку:

— Учительница умерла. С Витей занималась, столько для него сделала! А я с ней разговаривала два дня назад! Она веселая была, радовалась... А тут вдруг раз — и нет ее. И никто не говорит, отчего. Может, даже сама — и такие слухи ходят.

Капля все тяжелее и тяжелее.

— Ее нельзя оставлять ни на секунду — все обгадит! — громко высморкавшись в бумажную салфетку, продолжала Надежда. Вера с трудом уловила, что она говорит уже не об учительнице. — Только надену на нее чистые штаны — опять лужа! Кусает других детей, только отвлечешься — тут же делает какую-нибудь мерзость. Назло, специально! Стали уже ее привязывать. Надеваем комбинезон с ляжками, чтобы не сняла штаны, и привязываем к лесенке на кровати двухъярусной. И ласково пробовали, и поощрения делали, и наказывали — все бесполезно. Смотрит пустыми глазами и молчит. Руки опускаются, честное слово!..

Лицо Надежды Николаевны сморщилось, лоб пошел складками, мелко-мелко затрясся подбородок. Она прижала пальцы к вискам и как-то жалобно, по-собачьи всхлипнула.

— Все бы ничего, но то, что она не хочет ходить на горшок... Весь дом уже пропах! Одежда, ковры, диваны — все постоянно мокрое и грязное. Сил моих больше нет убирать за нею! И ведь когда забирали ее, все вроде бы в порядке было! Казалось, нормальная девочка, тянется к нам. А как домой привезли — превратилась в зверька одичавшего.

Она опять высморкалась и нервно скомкала в руках салфетку. Вера Никитична глотнула воды.

— А ведь мы живем ради детей! — немного помолчав, снова заговорила Надежда. — Нас с мужем больше ничто не связывает, нет никаких общих интересов. Раньше в походы ходили, путешествовали, на мотоцикле гоняли, на подъем были быстры... А сейчас ничего этого нет. Все крутится вокруг них!

Ниточка паутинки угрожающе растягивается, провисая вниз. Еще чуть-чуть и...

— Надежда Николаевна, вы рассказали о том, что происходит у вас в жизни. — Вера слегка откашлялась и постаралась

придать голосу привычную уверенность. — Мы можем попытаться выделиться, что из всего этого вас беспокоит больше всего и с чем вам хотелось бы разобраться в первую очередь.

Надежда участливо кивнула, вытирая салфеткой глаза.

— Апатия. Я ничего не хочу. Из-за этого вируса боюсь выходить на улицу, боюсь заболеть. И что-то с дыханием — не могу дышать.

Капля врзается в ниточку так глубоко, что начинает напоминать сердечко. Вселенная деформируется.

— Тогда будем работать с вами над апатией, дыханием и страхом выходить на улицу. — Вера пролистнула ежедневник. — Я предлагаю встречаться каждую неделю в течение месяца. Вам удобен такой график?

Надежда снова кивнула и почему-то отвела взгляд.

— А потом посмотрим на динамику и решим, что делать дальше. Договорились? — спросила Вера, закрывая блокнот. На сегодня точно достаточно.

— Хорошо, спасибо.

Неужели выдержала?..

Надежда Николаевна бросила на стол очередную салфетку, достала из сумочки зеркало и мельком взглянула в него. Потом убрала блестящую круглую коробочку обратно и закрыла сумку. Начала вставать.

И в этот момент коленом случайно задела низенький журнальный столик.

От толчка керамическая кружка с остатками кофе потеряла устойчивость и начала опасно балансировать на блюде.

Вера Никитична и Надежда Николаевна одновременно замерли, взглядами вцепившись в этот танец. Упадет — не упадет? Разольется? Разобьется?

Выдержит ли?.. Удержит ли?..

Кружка падает, и по полотняной салфетке, прожорливо съедая белый цвет, растекается коричневое неровное пятно.

Ниточка все-таки оборвалась. Вселенная рухнула.

Ее, Верина, Вселенная профессиональной отстраненности и неприятия на себя чужой боли.

Глава 3

ЯНВАРЬ. ДОМ

Пронзительный звонок будильника в телефоне имитировал крик петуха.

«Какая же все-таки это гнусная птица!» — вяло думала Вера Никитична, с закрытыми глазами хлопая ладонью по компьютерному столу, стоящему рядом с кроватью. За остатками сна еще теплилась надежда, что сейчас снова наступит тишина и можно будет провалиться обратно в тепло. Но противный вопль появлялся вновь и вновь. Дурацкие смартфоны: чтобы отключить будильник, недостаточно нащупать телефон — нужно открыть глаза, поставить палец на крестик и провести вправо.

Яркий свет экрана — и прощайте, последние клочья грез. Заставка телефона настойчиво предлагала улыбнуться этому дню. И неважно, что температура в спальне не выше 15 градусов по Цельсию. И неважно, что спала ты не больше четырех часов.

Не давать себе поблажек. Иначе разленишься и весь день проваляешься в кровати.

Вера Никитична села на кровати и откинула два одеяла. Верхнее — с яркими всполохами солнца и луны по ультрамариновому фону пододеяльника — дежурное: его доставали только в холода. Нижнее — белое, потертое, родное. Оно-то и не отпускало, маня снова нырнуть в тепло.

Вдохнув в себя решимость, она вытащила из-под одеял ноги и спустила их с кровати. Розовые ступни коснулись холодного дощатого пола, выкрашенного кленовой морилкой и покрытого яхтным лаком для износостойкости. При столкновении тепла и холода сознание окончательно вернулось из бескрайних духовных миров в ее сорокалетнее неидеальное тело.

Физиология требовала поторопиться. Вера начала шлепать ступнями по полу в поисках своих тапочек, и тут вспомнила, что вчера вечером кто-то из детей ушел в них. Отлично! При мысли, что идти в туалет по холодному кафельному полу придется босиком, заранее бросило в дрожь. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Вера Никитична перегнулась через кровать, двумя пальцами подцепила его тапочки и, опираясь на левый локоть, перенесла на свою сторону. Сорок третий размер против ее тридцать седьмого.

Бесшумно поставив тапки на пол, она оглянулась и посмотрела на мужа. Похоже, не проснулся. Григорий Фёдорович обладал уникальным свойством совершенно не слышать будильник, но при этом просыпаться от каждого шороха. В сумерках начинающегося утра казалось, что этот спящий великан, которому явно коротка их двухметровая кровать, чего-то боится. Шлепая губами, он словно с присвистом отгонял невидимых монстров. Мелко вздрагивала при похрапывании его окладистая шкиперская бородка. Борода для мужа была фетишем, тайной страстью, идеалом настоящего мужчины, как он любил повторять (на этих словах Вера всегда хмыкала: кто, интересно, видел этого настоящего?). Каждое утро он доставал помазок, бритву и старый дедовский ремень. Вешал на спинку стула полотенце, взбивал плотную, густую, похожую на голь-моголь мыльную пену, открывал складной станок и начинал священнодействие. Домочадцы ходили на цыпочках. Принесение в жертву своей щетины требовало тишины, сосредоточенности и уважения: голова-то одна, а бритва опасная.

Вера поплотнее укрыла мужа одеялами и, засунув ноги в тапки, наконец встала с кровати.

На выходе из комнаты ее поджидал сюрприз: открыв дверь в коридор, она поскользнулась и с трудом удержала равновесие. Правая нога уехала куда-то вбок, чуть не потащив за собой левую. Под тапкой чувствовалось что-то мягкое и склизкое.

— Ёпрст! — в сердцах воскликнула она шепотом, поймав устойчивость и поднимая ногу с пострадавшей тапкой вверх. — Лотка вам мало, что ли?!

Щелкнула выключателем. Так и есть: темно-коричневая, размазанная по кафелю субстанция. На ум невольно пришли Надежда Николаевна и ее отчаяние по поводу приемной дочери, отказывающейся ходить на горшок. Да уж, приятного мало.

Перед батареей в углу коридора тесно прижались друг к другу два котенка. Сверху лежал пепельно-серый с коротким подшерстком. Он сонно уткнулся носом в хвост рыже-бело-черной сестры, Мама-кошка обвила их пушистым хвостом, всем своим видом показывая, что к происхождению кучи они не имеют ни малейшего отношения. Просто святое семейство на отдыхе. Ага, как же! На самом деле это наглое, беспринципное, делающее все назло воплощение зла на земле. Нет, во всей вселенной...

Так, стоп! Сначала туалет, а после можно будет продумывать планы мести.

Оставив лежать в центре коридора тапок с тянущимся грязным следом, Вера Никитична на одной ноге попрыгала в сторону ванной. «Наверное, со стороны это похоже на кенгуру», — подумала она. Еще и тапок на ноге равномерно хлопает о кафель болтающимся задником — как хвост у сумчатого. Джунгли, да и только!

Прыжки, видимо, оказались слишком громкими. Не успела Вера Никитична добраться до ванной, как позади закрипела дверь спальни и из-за нее выглянула взъерошенная бородака мужа.

— Вер, ты чего? — Щурясь от желтого света свисающего с потолка фонаря, Григорий Фёдорович недовольно смотрел на жену.

Вера Никитична вздохнула. Интересно, как пройдет этот день, начавшийся холодом и неприятностями?..

* * *

Котят было двое. Приблудившись, обратно отблуживаться они категорически отказывались. Несовершеннолетняя общественность

регулярно втихаря утаскивала их наверх, в детские, прятала у себя в кроватях, прикрывая одеялами. Их грели, ласкали, мыли, кормили из своей тарелки. И все бы ничего, если бы не одно большое «но»: приучаться к лотку они отказывались категорически. Дикие животные окрестных полей.

И это не считая двух своих котов и кошечки. Первого — черного длинношерстного красавца с белой манишкой — Полина принесла домой два года назад. В тот период она увлекалась аниме, поэтому новобранца назвала Тадаши. Деликатный и обстоятельный, он никогда не набрасывался на еду, а терпеливо ждал, спрашивая глазами: можно? В доме занял два места — из расчета, чтобы быть подальше от надоедливых малышей, унижавших его достоинство. Первое место оказалось на кухонном шкафу, под самым потолком. Второе — на крышке мусорного ведра. Когда крышка неплотно прикрывала содержимое, кот проваливался вовнутрь. Выскочив, обиженно отряхивался и укоряюще смотрел на хозяев: «Почему такой непорядок?» Терпеливо ждал водворения крышки на место, а потом с достоинством сфинкса садился обратно.

Второй кот был Лилин. Черный как смоль, короткошерстный дворовый разбойник. В качестве значимого субъекта признавал одну только Лилю. Днями гулял по окрестностям, приручая хозяев коттеджей: перед его уверенностью, что накормить хвостатого странника — дело жизни каждого, устоять не мог никто. При этом он никогда ничего не выпрашивал и не мяукал — просто прыгал на руки и терся головой о человеческую щеку с радостью друга, которого тот давно потерял.

Харизма была обратной стороной его несладкой жизни: эпические войны с окрестными котами никогда не заканчивались и не проходили бесследно. Рваные нагноения, переломы, абсцессы случались как по расписанию, раз в месяц. После очередного ранения Лиля везла питомца в ветеринарную клинику. Администраторы клиники, видимо, обладали иммунитетом к обаянию кошачьих личностей и ремонтировать его бесплатно не собирались. Зарплата Григория Фёдоровича от этих визитов

таяла, как лед в весенней лужице, но на семейном совете каждый раз принималось решение: если не это главное, на что нужно тратить деньги, то что же тогда вообще считать главным? Григорий Фёдорович на таких советах, правда, всегда выглядел угрюмым и часто вздыхал.

Кошку-мать звали Фокси. Имя выбрали за большое сходство с рыжей лисой. Ее появление совпало с Ксюшиным хождением к репетитору по английскому, и поэтому в процессе выбора имени был тщательно исследован толстый англо-русский словарь. Приключилось это в позапрошлом году, в январские морозы, когда Григорий Фёдорович темным утром услышал во дворе чей-то тонюсенький писк. Откинув деревянные поддоны, которые летом использовались для разных огородных нужд, он и увидел эту усатую крошку. Скорее всего, ее кто-то выкинул: их дом, как говорили дети, находился на самом краю вселенной, и случайные пришельцы сюда забредали нечасто. Пятнадцать лет назад вокруг росли виноградники, потом их вырубил, а земли распродали. Место солнечное, нежное: с одной стороны ширь полей позволяет увидеть рассветы, встающие из-за холмов Кавказских гор, а с другой — закат погружает раскаленное пламя в море, окрашивая небо и воду алым цветом. Участки разлетелись, как птицы от выстрела. Бизнесмены из столиц и холодных северных краев стали возводить гостиницы и коттеджи. И довольно регулярно вывозили надоедавшую живность в перепутье четырех дорог.

Так у них и появлялись новые члены семейства. Приемные дети с усами и хвостами.

В прошлом году к материнству Фокси оказалась не готова: родив троих котят, отказалась их кормить. Нимало не переживая по этому поводу, она жила дальше. За год еще выросла, окрепла, расцвела пепельно-рыжим цветом и накануне новогодних праздников осчастливила хозяев новым двухголовым прибавлением. Его, в отличие от предыдущего, она старательно кормила, вылизывала и обихаживала. Вот эти два новогодних подарка теперь и распатывали мирные устои всей семьи, с топотом носясь ночами по комнатам и категорически игнорируя лоток.

Глава 4

ЯНВАРЬ. КОНСУЛЬТАЦИЯ

— Как прошел ваш день?

Надежда Николаевна вздохнула, махнув рукой.

— Ужасно! Это невыносимо! Опять из-за нее все переругались. Поехали в магазин, я оставила их на пять минут в машине. Старшая говорит: Катя отстегнулась, перелезла через переднее сиденье, достала конфеты из бардачка и все съела. Остальные пытались ее остановить — так она начала кусаться. Это зверек дикий! Как Маугли. Ей нужно отделить уголок в комнате, отгородить его, и пусть она там живет! Меня все раздражает. Стала срывать на других детей, на мужа. Вчера он купил продукты и забыл овсяную крупу. Так я на него кричала — аж голос сорвала. И ведь понимаю, что мелочь, а сдержаться не могу...

«Ребенок-Маугли», — записала в блокнот Вера Никитична и незаметно вздохнула. В Надежде было что-то такое, что обезоруживало и заставляло кожей чувствовать безысходность, которая холодным сквозняком летала в кабинете во время их консультаций. Вера сама пока не могла понять, что именно испытывает: сочувствие к женщине, взявшей на воспитание троих детей и не справляющейся с четвертой, или к самой Кате — маленькому, озлобленному на весь мир человеку.

Непрофессионально, да. Этому еще первокурсников учат: терапевт должен сохранять нейтралитет по отношению к клиенту и не принимать на себя его переживания. Но все системы иногда дают сбой. И Вера Никитична старательно пыталась восстановить работоспособность своей.

— У вас очень много переживаний, — сказала она, глядя на седые корни волос Надежды Николаевны. — Вы рассказываете,

и я слышу, как один маленький ребенок терроризирует всю семью. Сюжет, достойный пера Стивена Кинга! Давайте представим: как он описал бы вашу историю?

Посмотреть на ситуацию со стороны — прием, полезный для всех.

— Жила-была семья, спокойно и радостно, даже где-то скучновато, — с сарказмом в голосе начала Надежда Николаевна. — И вот взяли в дом девочку, и закончилась эта спокойная жизнь. Все стали ходить покусанные, поцарапанные, не могли расслабиться ни на минуту. Выросла раздражительность, нервозность, напряженность.

Она замолчала. Вера немного подождала, а потом спросила:

— А что было дальше?

— Ситуация стала накаляться, и они решили отдать ее в другую семью. Нашли энтузиастов, уговорили, отвезли. Радостные и спокойные провели этот день в эйфории, любви и счастье, но к вечеру раздался стук в дверь — и на пороге снова стояла она. Другая семья отказалась от нее быстрее первой.

И снова пауза.

— И что потом?

— Им осталось только смириться. Они отгородили для нее загончик в комнате, как для собачки, чтобы она там делала, что хотела — ходила в туалет, показывала половые органы, как животное, — но не трогала других.

Надежда Николаевна едко усмехнулась и, поставив руку на подлокотник, закрыла лицо ладонью.

«Вся семья объединилась против одной-единственной пятiletней девочки, — подумала Вера Никитична и поехала, невольно вспомнив свою Ксюшу. — Ребенок против целого мира. Она воспринимает ее не как ребенка, которому нужна помощь, а как неизбежное зло, от которого надо оградить семью».

Ей вдруг стало тоскливо.

— То есть в вашей сценарии семья смирилась, но по-прежнему отвергает этого ребенка, не принимает его? — быстро уточнила она, стараясь не дать этой тоске захватить пространство внутри нее.

— Да, — со вздохом кивнула Надежда. — А что еще остается?

На ум Вере опять пришла утренняя история с котятками, сходящими мимо лотка. Смириться, но не принять — путь в никуда. Жить, мечтая, чтобы это когда-нибудь закончилось, — значит медленно, но верно портить себе здоровье, отношения, психику.

— Хорошо, — немного помолчав, сказала она. — Я бы хотела попросить вас прочесть дома небольшой рассказ Урсулы Ле Гуин «Уходящие из Омеласа».

Надежда Николаевна беспокойно завозилась в кресле.

— Не знаю, будет ли у меня время... — неуверенно начала она.

— Урсула родилась в семье писательницы Теодоры и ученого-антрополога Альфреда Крёбера, — продолжила Вера, словно не замечая этих сомнений. — В ее произведениях есть опыт проживания одиночества и инаковости. Рассказ совсем маленький, минут на десять. Нам будет что обсудить в нем.

И закрыла блокнот. Возможно, стоит подумать о супервизии. Но не сейчас, попозже. Пока еще ничего не понятно.

Глава 5

ЯНВАРЬ. БАССЕЙН

За высокой полукруглой стойкой виднелась белесая макушка медсестры. Не поднимая головы от телефона, она протянула ключ от шкафчика и банное полотенце салатового оттенка.

В раздевалке от прохлады свело лопатки. Да уж, долго здесь не побудешь. Вдоль позвоночника по направлению к затылку побежали мурашки. Вера спрятала их вместе с волосами в купальную шапочку.

Впервые она пришла сюда в новогодние каникулы, когда затянувшаяся нега и ничегонеделание (точнее, ничегонедумание) побуждали искать новые стимулы встать с дивана. Ощутить телом ласковую воду и погрузиться в нее с головой казалось хорошей идеей. И первое посещение оставило энергию, бодрость и приятное ощущение заботы: медсестра из другой смены приветливо порхала рядом, показывая и рассказывая. Настойчивость и доброжелательность лилась потоками, как вода, плескавшаяся в бассейне через край. Гостеприимно появились одноразовая шапочка для купания (в первый раз Вера, конечно же, не подумала ее взять), экскурсия по спа-зоне, вопросы о температуре воды — достаточно ли она теплая, — и даже инфракрасная сауна, которая сначала в планы Веры Никитичны не входила, а потом оказалась самой приятной частью визита: уставшее от праздничной суеты тело, расслабившись после энергичного заплыва на горячем деревянном лежаке, наконец задышало спокойствием.

Сам бассейн в тот день был пуст. Абсолютно. Ни одного человека. В полном распоряжении все пространство. «Какое счастье, — подумала тогда Вера, — ни с кем не надо говорить, улыбаться, никто не задает дурацких вопросов!» Хранитель бассейна сидел

на белом пластмассовом стуле за таким же белым пластмассовым столом и каждые несколько минут обозревал вверенные ему владения с величавой вальяжностью Посейдона. Убедившись, что помощь никому не нужна, он возвращался в мир соцсетей — видимо, более интересный, чем водное царство.

Потом было по-разному: и много народу, и постоянно меняющиеся медсестры с нестабильным уровнем заинтересованности в проблемах посетителей, и снова приятная пустота предпраздничными вечерами. Но жизнь в принципе противоречива, полна несуразностей и взаимоисключающих вещей. Стилизованные под дорический ордер колонны и современные пластиковые панорамные окна. Прозрачные маленькие башенки на крыше — посмотрев в потолок, можно увидеть небо. Если раскинуть навзничь руки, кожей можно ощутить прохладу воды и глазами видеть свет звезд — зимой темнеет рано. Ради этих минут Вера Никитична и полюбила бассейн.

Накинув на плечи полотенце, она вышла из раздевалки в зал. Двое мужчин на соседних дорожках размеренно взмахивали сначала руками, потом ногами. На полпути делали остановку, задумчиво изучая лица вновь вошедших, морщили лоб. Доплывали до бортика, касались светло-голубых квадратиков кафеля и шумно разворачивались, расплескивая воду.

«Наверное, два друга, — мелькнуло в голове у Веры. — Решили поплавать вместо пробежки».

Сегодня она пришла утром, а не вечером, как обычно. Вечер будет занят — консультация. Снова Надежда Николаевна. Интересно, прочитала она рассказ Урсулы? Хорошо, если да, — там есть за что зацепиться. А если нет, придется на ходу решать, в какую сторону двигаться дальше. Прощупывать отношения с мужем? С Катей? Уходить в детство?..

Спустившись по металлической лесенке, Вера оттолкнулась от ступеньки ногами и поплыла вперед. Мышцы отозвались приятным растяжением, как после долгого сна. Руки, раскрываясь в плечах, продвигали тело вперед и будто убирали с пути то, что мешало двигаться. Хотелось закрыть глаза и просто плыть,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru